

Культура — это лишь тоненькая
яблочная кожура над раскалённым
хаосом.

Фридрих Ницше

Глава 1

Потерянный рай

16 мая 1912 года, четверг

Сил больше не было. Дышать становилось всё труднее. Она кашляла, кашляла и судорожно пыталась поймать ртом ночной туман. Единственное весло зашаталось и соскользнуло в воду. Её трясло от холода и от мысли, что если она не выплывет, то никто так ничего и не узнает.

Пытаясь унять кашель и боль в разрывающихся лёгких, она медленно опустилась на дно лодки и посмотрела в небо. Звёзд не было. Девушка взяла в руки свой тяжелый, как её жизнь, талисман. Глаза стали закрываться, потом она снова закашлялась... В голове звучало только одно: «Fluctuat nec mergitur... Fluctuat nec mergitur...»¹.

* * *

В мае весь Париж при первой же возможности пересяживается на велосипеды и несётся за город. Всем хочется забыть о душевных магазинах, кабинетах и квадратных комнатах и отправиться в компании друзей навстречу легкомыслию и веселью.

Честные работяги и мидинетки, студенты и кабинетные крысы собирают утром корзинку с бутербродами и мчатся на площадь Этуаль². К ним подъезжает

¹ «Его топят, а он не тонет». Латинский девиз Парижа.

² Современная площадь Шарля де Голля, на которой расположена Триумфальная арка.

пыхтящий паровой трамвай № 38, упаковывает по сто человек в свои вагоны и увозит счастливых за город.

Чопорные и менее чопорные дамы с кавалерами, детьми, собаками, соломенными шляпами и зонтиками дружной толпой осаждают поезд, уходящий в Рюэй-Мальмезон и Шату. Они кутаются в платки, чтобы не дышать сажей и дымом, и поднимаются на империал. Многие уже друг друга знают, а остальные скоро познакомятся.

У станции шумную толпу встречают и ведут к эллингам. Мужчины переодеваются в экзотические матроски, сапоги и подкручивают усы в форме велосипедных рулей. Их спутницы поправляют воланы на платьях и раскрывают голубые, желтые, зелёные и красные шёлковые зонтики. На головах выбравшейся на отдых публики красуются «горшки с цветами», «дыневые колокольчики», «бразильские широкополые шляпы», рыбацкие береты с красными помпонами, мягкие кепки моряков и жокеев, полосатые колпаки и даже вызывающие пиратские платки!

Спустив лодки на воду, парижане забывают о столичных проблемах. В одной лодке дети подгоняют сидящего на вёслах папу, чтобы тот обогнал соседей. В другой — молодой повеса играет со своей спутницей в «да и нет». В третьей хором горланят песни и кричат «Оэ!» при встрече с другими водными путешественниками. Ялики, душегубки, байдарки, челноки сталкиваются, смешиваются и скрещиваются, при этом парусники Аржантёя игнорируют паромщиков из Круасси, а ялики Шату соревнуются с лодками Буживаля, пытаясь похитить у соседей понравившуюся им красавицу прямо на воде. Над всеми ними возвышается пароход «Турист», перевозящий пассажиров от вокзала д'Орсэ в западные окрестности Парижа.

После первого заплыва взмокшие от пота столичные «речные волки» пришвартовываются к берегу. Наступает время «обедов на траве» и легкомысленных сиест в тени деревьев. Кто побогаче — спешит в одну из прибрежных закусочных. Здесь подают свежепойманную рыбку с жареной картошкой. Закусочные борются за каждого клиента и зазывают их на свой манер. В одной играет аккордеон, в другой за дополнительный франк можно поцеловать хозяйку, разбить тарелку или получить чашку кофе.

В знаменитом «Доме Фурнез» Альфонс-старший устраивает праздники, водные турниры, ночные «венецианские прогулки», регаты и танцы. Его сын, Альфонс-младший, сдает в аренду лодки и учит новичков правильно орудовать вёслами. Мадам Фурнез управляет гостиницей и кухней, а дочь Альфонсин прислуживает в местном кафе и позирует обаятельным художникам-импрессионистам.

Главное слово выходных — «опьянение». Опьянение от качки на воде, от дешёвого, не обложенного акцизом вина, от любви и от безумных вечеров.

Под конец дня утомленные парижане отправляются танцевать кадрили, а самые смелые ритмично выплясывают акробатические па «каю». Все плавают, едят, поют, курят, пьют и любят до последнего свистка поезда. Наконец в одиннадцать часов ночи Сена прощается с жужжащим роем лодочников и погружается в сон.

17 мая 1912 года, утро пятницы

Эмиль вышел из каюты. Какая благодать! Влажный воздух, как старый друг, заполнил его лёгкие и разгладил морщины обветренного лица. Шкипер «Дьяволицы» провел ручищей по длинным седым волосам и вздохнул.

Баржа Эмилию досталась от отца. Здесь шкипер жил и здесь же всю неделю гнул спину, чтобы тягач «Бернар» вовремя смог доставить лес в Париж. На такие чужаков не пускают. Нет, его «Дьяволица» не для столичных шутов. Дома они вели себя тише воды ниже травы, а в его родном Буживале галдели да девок смущали.

Мари из-за одного из таких хахалей утопла. Видная была девка: и нос, и корма — всё на месте, да и умом в отца пошла. А тут объявился один столичный, из тех, кто каждый четверг в «Лягушатню» на канкан приезжал поглазеть, да и сгинула сестрѐнка... Сейчас уже с племяшем мясника бы повенчалась, деток бы нарожали... Тьфу, да и только! Нашли тогда Мари мѐртовой. «Утопла» она... Как могла утонуть сестра шкипера, ведь всю жизнь на воде жила! Да река ей — мать родна!

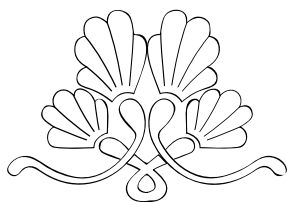
Вспоминая о сестре каждый четверг, в день балов в «Лягушатне», Эмиль всегда пил. Вот и накануне хлебнул бутылочку дешѐвого синего вина из Аржентѳа и прикемарил.

Проснулся рано — ещѐ собаки булочника не брехали, а тот встаѳет печь свои булки в восемь склянок. Надо было покрепче перевязать оставшиеся десять брѐвен, чтобы не скатывались. Эмиль разогнул огромную спину и потянулся. Работа прежде всего. Пока потел, утренняя дымка рассеялась. Эмиль облокотился на борт и закурил. Его Сена спокойно уносила прочь от суетного Парижа. Вдали показалась одинокая лодка.

Эмиль достал бинокль, хмыкнул и посмотрел ещѐ раз. Такие лодки использовались для развлекательных прогулок. Хм, откуда она тут оказалась? Ничья? Что ж, была ничья, а станет его. Недолго думая, буживальский речной волк спустил шлюпку со своей «Дья-

волицы», прыгнул вниз и быстрыми, ловкими движениями погреб в сторону отбившейся от стада овцы.

Через десять минут он догнал беглянку, схватил её лапичей за борт и подтянул к себе. На дне лодки лежала девушка в белом платье. Босая, с растрёпанными рыжими волосами. Она как-то неестественно уставилась большими глазами в небо, а левой рукой прижимала к груди не то какой-то кулон, не то медальон. Эмиль протянул руку и пощупал пульс девушки — она была мертва...

Глава 2

Мечты о будущем и о любви

12 мая 1912 г., воскресенье

Дени крался по папиной мастерской, стараясь не наступать на разбросанные по паркету тряпки, тубики с красками и баночки с маслом.

— Это твоё последнее слово, предатель? — обратился он к мольберту, угрожая деревянной каракатице веником. — Как ты посмел? Наши позиции врагу? Немцы убили моего деда, а ты... Военный суд приговаривает тебя к смерти!

Мальчик размахнулся, и в следующую минуту поверженный мольберт грохнулся на пол. За ним полетела на кровать подставка для холстов и готовых картин.

Попугай из клетки у окна затараторил: «Каррамба! Каррамба!»

Дени съезжился, метнулся за ширму и замер. Рядом с ним стояла раковина с замызганным полотенцем и двумя злыми кусками мыла: один для рук, второй — для кистей. Под краном набухла и сорвалась вниз капля вода. Кап!

Дверь открылась. В мастерскую зашёл отец:

— Что это?.. Что ты опять натворил?! Дени!

Мальчик почти не дышал.

— Дени! В папину мастерскую заходить нельзя! Я говорил тебе это: да или нет?

Молчание.

— А ну-ка вылезай оттуда! Сейчас ты у меня получишь!

Люсьен де Фижак бросился и резко отодвинул ширму. Дени выставил руки перед собой и попятился к стенке.

— Папа, извини! Извини, папочка! Не надо!..

Отец схватил Дени за шкурку и выволок на середине комнаты.

— Я покажу тебе, как не слушаться! Ишь, всю мастерскую мне разворотил, щенок! Снимай штаны!

— Люсьен, прекрати! — Голос у двери звучал так, что ему невозможно было не подчиниться. Де Фижак выпустил Дени, но тут же огрызнулся:

— Не вмешивайся! Это мой сын, и я сам решаю, как его воспитывать!

Мальчик юркнул к выходу. В дверном проёме стоял дядя Габриэль. Папа называл своего лучшего друга «Ленуар», «Чёрный». Дени точно не знал, фамилия это или прозвище. Мама говорила, что, даже если у дяди Габриэля усы, волосы и костюм были чернее золы, душа у него добрая. И глаза голубые. Чуть что, мама всегда советовала обратиться за советом к Чёрному.

Дядя Габриэль пригладил широкой ладонью густые волосы и почесал небритую щеку.

— Ты с кем тут сражался, малец?

— С немцами.

— Победил?

— Ага.

— Люсьен, твой сын победил бошей! Причем, судя по всему, победа была разгромной, а ты скандалишь.

Габриэль взял листок бумаги и, сев на пол, сложил из него кораблик.

— Держи, парень! Давай это будет «Дункан», бригантина, на которой дети капитана Гранта отправились искать отца и совершили кругосветное путеше-

ствии. Продвигаясь со скоростью пятнадцать узлов, они добрались до мыса Горн и...

— Ты бы лучше помог порядок навести, а не языком трепал, — проворчал де Фижак.

Дени взял у Габриэля кораблик, кивнул ему и исчез за дверью.

— К матери побежал жаловаться.

— А Беатрис дома?

— Да, она с младшими у матери моей на втором этаже.

Когда-то доходный дом на улице Бонапарта купил дед Люсьена. Постепенно квартирантов заменили младшие де Фижак, а потом их дети и внуки. Сегодня весь дом принадлежал одной семье, соседи его так и называли: «улей де Фижак». Жили небогато, но прилично. Сам Люсьен давно обзавёлся женой, тремя детьми и лысиной. Он зарабатывал на хлеб тем, что писал на заказ портреты. Свою мастерскую он считал крепостью и убежищем и методично защищал её от любых посягательств многочисленных родственников и детей.

— Я же не со зла! Здешнюю вонь от керосина и льняного масла может спокойно выносить только мистер Флинт...

— Каррамба! Каррамба! — отозвался попугай.

— ...детям нужны не папины картины, а свежий воздух и движение! К тому же, если они мне портрет какой попортят, сами потом без курицы на обед останутся. Вот будут у тебя свои дети, увидишь, как с ними трудно.

— Хотелось бы. — Габриэль поднялся с пола и молча отряхнулся.

— Ленуар, хм, извини, я не хотел... Я тебя что позвал-то сегодня. С натурщицей новой познакомился. Выходил из лавки художников на улице Мабийон, а она стоит у кондитерской «Медичи» и с аппетитом

надкусывает пирожное «Пари-Брест». В общем, напомнила она мне её. Такая рыжая, в очках... Ну, сам увидишь!

— Ну зачем ты это делаешь? Столько лет прошло...

— Прошло-то прошло, но ты ведь её так и не забыл.

— Как я её могу забыть?

— Пора забыть, Габриэль. Элизу не спасти и не вернуть. Хватит уже траур носить, у тебя ещё вся жизнь впереди. Надо и о себе подумать. Это я тебе как её брат и как твой лучший друг говорю.

В дверь квартиры постучали. Де Фижак открыл, и в комнату вошла совсем юная девушка в очках. Она деловито протянула Габриэлю руку и представилась:

— Анаис Марино. Люсьен не предупредил меня, что будет не один. Вы тоже художник?

Девушка действительно очень походила на Элизу. Те же зелёные глаза и усыпанный веснушками нос. Та же подростковая угловатость. Только волосы у неё были аккуратно уложены на затылке, а Элиза любила косы.

— Ваш друг немой? — обратилась девушка к Люсьену.

— Гм, нет, — возразил Габриэль.

— Так вы художник?

— Я... Я поэт. — Ему показалось неуместным портить девушке настроение, называя свою истинную профессию.

— О, как Гийом Аполлинер?

— Как Жан-Батист Мольер!

— Предпочитаете классику?

— Люблю хорошую литературу.

— Это Габриэль Фульк Лемуар, — представил друга Люсьен.

Девушка вскинула тонкую бровь:

— «Фульк»? Какое странное второе имя. Немецкое? Как «фольк» — «народ»?

— Вам виднее, мадемуазель, — ответил Габриэль.

— Это старинное имя его предков, герцогов Анжуйских! Отец Габриэля увлекался историей, вот и выбрал такое имечко для своего отпрыска, — доверительным тоном сообщил Люсьен.

— Я польщена, что сегодня меня будет рисовать потомок герцогов Анжуйских. Кажется, от них начинается ветвь династии Плантагенетов. Английские короли тоже у вас в родственниках?

— В дальних. Настолько дальних, что я давно не считаю себя джентльменом.

— Благородство не в том, кем вы себя считаете, а в том, как вы себя ведёте, мсье Лемуар.

Люсьен сгрёб последние тюбики с красками, валявшиеся на полу, и суетливым жестом пригласил натурщицу проходить.

— Анаис, здесь, за ширмой, можете переодеться. Я приготовил для вас костюм Шахерезады. Вы не возражаете?

— Если мне не придётся рассказывать вам сказки, чтобы сохранить себе жизнь, то не возражаю, — улыбнулась девушка и скрылась за ширмой.

Люсьен отодвинул от стены два сундука и установил перед ними мольберты. Затем наклонился к другу и прошептал:

— Ну, как она тебе?

— Сколько ей лет?

— Семнадцать.

— Как Элизе. Совсем ещё ребёнок.

— Ты её старше не на всю жизнь, а всего на двадцать лет.

— Брось... Я ведь не жених на выданье, а ты не сваха.

Тем временем девушка отодвинула ширму и предстала в роли Шахерезады. Атласные шаровары и расшитый верх изящно подчёркивали естественные

изгибы её тела. На шее висели часы, а на голове красовался расшитый искусственным жемчугом тюрбан. Анаис подожгла спичку, задула огонь и, посмотрев в зеркальце над раковиной, подвела чёрным цветом рыжие брови... Художники переглянулись, и Люсьен заплодировал.

— Вы настоящая правительница Востока, Анаис! Какая грация! Устраивайтесь на кровати. Первая поза будет длиться сорок пять минут.

Приятелям и раньше приходилось вместе рисовать с натуры, но обычно Габриэль к натурщицам был равнодушен. В глазах большинства из них читались усталость и безразличие. Они передевались и принимали позу, будто слово «искусство» происходило от слова «ремесло». Умение простоять пять минут в неподвижности, как древнегреческая статуя, им казалось достаточным, чтобы заработать своё жалованье. Натурщиц было много, а музы — наперечёт. Вместо заряженных небесным огнем богинь стояли холодные статуи. Мало кто понимал, что для творчества художнику душа модели была важнее её тела.

А эта девушка понимала. Она присела на кровать и посмотрела на свои часы. Затем выгнулась, обхватила плечи тонкими пальцами и посмотрела на друзей. При этом взгляд её был не отрешённым взглядом переодетой в костюм девушки. Нет, он обжигал, притягивал. Иллюзия сказочницы из «1001 ночи» получилась настолько убедительной, что у Габриэля побежали мурашки.

Люсьен подобрал живот, посмотрел на модель и поставил точку на натянутую на деревянный каркас бумагу. Отмерив карандашом пропорции, он попыхтел и поставил вторую точку... Как настоящий академист, Люсьен работал медленно, вырисовывая каждую деталь. Его рисунки, словно живые люди, рельефно

проступали с картин. Однако картины де Фижака реалистично передавали детали, но не передавали сути человека.

Сам же Габриэль Ленуар был мастером карикатур. В своих рисунках он подчёркивал главные «выпуклости» своих моделей. Благодаря этому таланту у него всегда были плохие отметки по черчению и прекрасные отношения со всеми школьными хулиганами.

Он взял кусочек угля и сделал быстрый набросок Анаис. На это у него ушло не более пяти минут. Затем он отложил уголёк в сторону и устался на натурщицу.

Девушка сначала слегка поджала губу и ещё раз посмотрела на часы. А через несколько минут не выдержала и сказала:

— Господин Ленуар, вы уже закончили?

— Мне не нужно много времени, чтобы изобразить вашу очаровательную улыбку.

Анаис смутилась, но тут же нашлась:

— Держу пари, что вы только улыбку и изобразили! Как у Чеширского кота.

— Вашим губам я действительно уделил особое внимание. Мне куда милее ваши уста, чем мои листы. Пришлось отложить уголь в сторону, — развёл руками Габриэль.

Анаис снова покраснела. Габриэлю доставляло удовольствие смущать девушку.

— Господин Ленуар, срочно предъявите мне результат ваших пятиминутных стараний! И имейте в виду: я всё равно возьму двойную плату за сегодняшнюю работу!

Габриэль повернул к ней лист, и Анаис весело и громко рассмеялась. Почти половину рисунка занимали огромные глаза и губы, на щеках чернели точки веснушек, и в целом вместо томной Шахерезады на Анаис смотрело свежее молодое личико.